

УДК 73.027(477.7)

А.М. Новичихин

К ВОПРОСУ О «СИНДСКОЙ СКУЛЬПТУРЕ»

Еще в начале XX в. археолог и краевед Г.Ф. Чайковский обратил внимание на две группы своеобразных скульптур из местного камня-известняка, происходящих преимущественно из района Анапы: статуи-полуфигуры и рельефы с поясным либо поколенным изображением человека. Исходя из места наиболее частых находок подобных памятников, исследователь назвал их «фигурными стелами анапского типа». Рельефы Г.Ф. Чайковский рассматривал как культовые изображения богов и героев, статуи-полуфигуры, по аналогии с некоторыми памятниками римской скульптуры, уверенно определял как надгробные¹.

В 1960-х гг. эти же две группы скульптурных памятников привлекли внимание Н.И. Сокольского. Исследователь посвятил им несколько статей, в которых атрибутировал изваяния и рельефы как «памятники синдской скульптуры»².

В первой своей работе, посвященной «синдской скульптуре», Н.И. Сокольский отнес к числу ее памятников 45 статуй-полуфигур, выделив три типа: 1) изображения воинов (5 экз.); 2) изображения мужчин (12 экз.); 3) изображения женщин (28 экз.). 6 памятников были найдены в Анапе, 16 — на Тамани, 20 — в Керчи и ее окрестностях, 3 — не имели точного места находки. Кроме скульптурных полуфигур к памятникам синдской скульптуры исследователь отнес также четыре надгробных рельефа с изображениями полуфигур, найденных в Анапе и хранившихся в Анапском музее, которые, по мнению исследователя, выделялась «своеобразием, варваризацией женского образа и примитивизмом» (их подробная характеристика дана им в более поздней работе)³.

Благодаря раскопкам в 1963 г. на берегу Ахтанизовского лимана датированного I в. до н.э. укрепленного здания, фундаменты стен которого были сложены «из камней вторичного использования», в распоряжении Н.И. Сокольского оказалось еще 32 античных надгробия, включенных исследователем в число памятникам «синдской скульптуры». Помимо полуфигур, количество которых увеличилось на 12 экземпляров (5 — изображения воинов; 2 — мужчин; 5 — женщин), при раскопках указанного объекта было найдено 20 надгробных рельефов, на которых изображены: 4 полуфигуры воинов; 1 полуфигура мужчины; 5 мужчин в рост; 7 полуфигур женщин; 2 женщины в рост; 1 всадник. Исследователь указал, что «подавляющее число вновь обнаруженных памятников изображает коренных жителей Таманского полуострова, синдов»⁴. Включая статуи-полуфигуры и рельефные надгробия в

---

¹ Чайковский Г.Ф. Фигурные стелы анапского типа (Из истории изучения боспорский надгробной скульптуры). Публикация А.М. Новичихина // ВДИ. 2011. № 2. С. 188, 189.

² Сокольский Н.И. Новые памятники синдской скульптуры // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 86—96; он же. К вопросу о синдской скульптуре // Культура античного мира. М., 1966. С. 243—258; он же. Синдская скульптура // Античное общество. М., 1967. С. 193—204; он же. Вопросы синдской скульптуры // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С.187—198.

³ Сокольский Н.И. К вопросу о синдской скульптуре. С. 243—258.

⁴ Сокольский Н.И. Новые памятники синдской скульптуры. С. 86—96; он же. Синдская скульптура. С. 193—204.

общую скульптурную группу, Н.И. Сокольский аргументировал это тем, что «единство их выражается прежде всего в сходстве этнического типа персонажей и деталей. Различие же заключается: 1) в степени близости или отхода от эллинских образцов скульптуры, степени эллинизации персонажей; 2) во времени изготовления; 3) в деталях одежды и других аксессуаров; 4) в индивидуальном выражении единого общего типа лица»⁵. Публикация материалов ахтанизовского комплекса дала Н.И. Сокольскому возможность включить в число памятников синдской скульптуры рельефное надгробие, найденное им в 1955 г. при раскопках на горе Бориса и Глеба и еще раз обратиться к анапским (горгиппийским) надгробным рельефам, отметив их своеобразие⁶. Исходивший первоначально из того, что к синдской скульптуре следует относить рельефы с полуфигурами⁷, в более поздней работе Н.И. Сокольский отнес к этой категории не только найденные у Ахтанизовского лимана рельефы с поясным и поколенным изображением умерших, но и надгробия, на которых умершие были изображены в рост. Кроме единственного воинского рельефного надгробия с полуфигурой вооруженного мужчины в панцире и головном уборе типа скифского колпака⁸ большинство ахтанизовских памятников несут изображения мужчин и женщин в типично эллинских одеяниях, причем ряд мужских персонажей сжимают в руке предмет, похожий на свиток, который едва ли возможен в случае изображения варвара-синда. Причем почти на всех ахтанизовских рельефах (кроме одного мужского), включая вышеупомянутый с полуфигурой воина, и на надгробии с горы Бориса и Глеба изображение умерших обрамлено рамкой-эдикулой, завершающейся вверху фронтоном с розеткой в центре и антефиксами по углам. Такое оформление надгробного памятника скорее соответствует эллинской, нежели варварской погребально-поминальной традиции.

«Проблемам синдской скульптуры» была посвящена еще одна статья Н.И. Сокольского. В ней автор, сообщив об еще одной находке на Таманском полуострове (в склепе у п. Сенной) женской статуи-полуфигуры, благодаря которой их число увеличилось до 38, большую часть исследования посвятил горгиппийским находкам памятников «синдской скульптуры». В распоряжении Н.И. Сокольского имелись сведения о хранящихся в Анапском и Краснодарском музеях 6 изваяниях-полуфигурах (1 мужской и 5 женских) и 11 рельефных надгробиях. Отметив, что происходящие из Анапы скульптурные полуфигуры аналогичны находимым в западной части Таманского полуострова, Н.И. Сокольский в очередной раз указал на своеобразие анапских рельефов, охарактеризовав их как «локальный вариант синдской скульптуры». Хранящаяся в Анапском краеведческом музее коллекция рельефов насчитывала 4 мужских и 7 женских изображений. По словам исследователя, «общими чертами всей этой группы является ярко выраженный этнографический местный тип персонажей при значительном упрощении и некотором примитивизме изображения, а также достаточно грубой технике работы». Несмотря на то, что на всех горгиппийских рельефах персонажи облачены в эллинское одеяние, указанных доводов Н.И. Сокольскому

⁵ Сокольский Н.И. Синдская скульптура. С. 199.

⁶ Там же. С. 198, рис. 8, с. 202, рис. 11.

⁷ Сокольский Н.И. К вопросу о синдской скульптуре. С. 252.

⁸ Сокольский Н.И. Новые памятники синдской скульптуры. С. 92, рис. 37; *он же*. Синдская скульптура. Рис. 4. Мужская фигура в рост (а не полуфигура, как писал Н.И. Сокольский) в пластинчатом доспехе со щитом кельтского типа (Сокольский Н.И. Новые памятники синдской скульптуры. С. 92, рис. 35, 1; *он же*. Синдская скульптура. Рис. 8) изображает конечно же не синда, а типичного боспорского воина позднеэллинистического времени, аналогичного изображенному на другом надгробном памятнике из того же комплекса. См.: Толстиков В.П. Надгробие воина с Ахтанизовского лимана // ВДИ. 1976. № 1. С. 80—90.

оказалось достаточно, чтобы отнести анапские надгробия к кругу памятников «синдской скульптуры»⁹.

В основу последней работы Н.И. Сокольского лег его одноименный доклад на конференции, посвященной 100-летию Б.В. Фармаковского. В прениях по докладу Н.Л. Грач высказала предположение о появлении на Боспоре статуй-полуфигур под влиянием надгробной скульптуры Малой Азии, указав многочисленные аналогии в турецких музейных собраниях и призвав исследователя к большей осторожности в выводах. В то же время, точка зрения Н.И. Сокольского нашла поддержку М.М. Кобылиной, не увидевшей в рассмотренных им группах памятников ни греческого, ни малоазийского влияния, и указавшей, что подобные памятники могли возникнуть только в варварской среде¹⁰. С критикой положений Н.И. Сокольского выступил также Д.И. Даньшин в докладе о критериях выделения «синдской скульптуры» на V Чтениях памяти В.Д. Блаватского. Исследователь не обнаружил в этих памятниках следов синдского влияния и связал их появление с общими закономерностями развития периферийного античного искусства¹¹.

Аргументацию Н.И. Сокольского, на основании которой он относил скульптурные памятники к скульптуре синдов, действительно сложно признать убедительной. Она, несомненно, основывалась на уверенности исследователя в том, что Таманский полуостров, с которого происходила большая часть памятников, был в древности населен синдами.

Вот несколько примеров аргументации исследователя:

1. «Характер скульптуры и типы персонажей красноречиво говорят о том, что подавляющее число вновь открытых памятников изображает коренных жителей Таманского полуострова, синдов»¹².

2. «Откуда собраны памятники? По-видимому, камень собирался с ближайших синдских курганов и некрополей»¹³.

3. «Названные группы скульптурных памятников изображают обитателей Таманского полуострова — негреков, в основном синдов»¹⁴.

4. «Несомненно, что первые надгробные скульптуры с изображением негреческого, главным образом синдского населения создавались скульпторами-греками из боспорских городов, а затем должны были появиться скульпторы из местной негреческой среды»¹⁵.

5. «Территория распространения скульптур, негреческие типы изображенных, время памятников достаточно красноречиво говорят о том, что подавляющее число вновь найденных на Таманском полуострове и ранее известных скульптур подобного рода изображает коренных жителей этого района азиатской части Боспора в эллинистическую эпоху, т.е. синдов»¹⁶.

Постулируемый долгое время тезис о том, что Таманский полуостров в античную эпоху был населен синдами, в настоящее время не находит подтверждения: анализ письменных источников и данные археологии все больше и больше свидетельствуют в

---

⁹ Сокольский Н.И. Вопросы синдской скульптуры. С. 187—198.

¹⁰ Долгоруков В.С., Цветаева Г.А. Научная конференция памяти Б.В. Фармаковского // СА. 1971. № 4. С. 298, 299.

¹¹ Малышев А.А. V научные Чтения памяти профессора В.Д. Блаватского // ВДИ. 1993. № 3. С. 234.

¹² Сокольский Н.И. Новые памятники синдской скульптуры. С. 95.

¹³ Там же. С. 95.

¹⁴ Сокольский Н.И. К вопросу о синдской скульптуре. С. 254.

¹⁵ Там же. С. 254.

¹⁶ Сокольский Н.И. Синдская скульптура. С. 201.

пользу того, что древний Таманский архипелаг следует исключить из территории исторической Синдики¹⁷.

Каких-либо убедительных доказательств того, что статуи-полуфигуры и рельефы изображают синдов и сделаны синдскими мастерами в аргументации Н.И. Сокольского также не содержится. Рассуждения о том, что в персонажах надгробий представлены «негреческие типы», следует отнести на счет субъективных преставлений исследователя.

Надгробные статуи-полуфигуры хорошо известны не только на Азиатском, но и на Европейском Боспоре. Об этом красноречиво свидетельствует лапидарное собрание Керченского музея, в котором насчитывается более десятка статуй-полуфигур и их фрагментов, происходящих из Керчи и ее окрестностей¹⁸. Кроме того, не приходится сомневаться, что большая часть хранящихся в Керченском музее надгробий-полуфигур, место находки которых неизвестно, также следует связывать с некрополями древних городов и селений Европейского Боспора. Детальное исследование Е.А. Савостиной трех женских надгробных статуй-полуфигур из керченских находок привело исследовательницу к выводу о том, что на их иконографию оказала влияние греческая эллинистическая, в том числе малоазийская, скульптура, отдельные элементы некоторых памятников могут восходить к римской и северопричерноморской традициям. В целом же, этим памятникам, датируемым I в. до н.э. — I в. н.э., свойственна портретность — «новая для Боспора и общегреческой культуры конкретизация облика»¹⁹.

Эллиническое происхождение очевидно и для надгробий с рельефным изображением человеческих фигур в рост и полуфигур в эдикулах, завершающихся фронтонами — таковы большинство находок из комплекса близ Ахтанизовского лимана и памятник с горы Бориса и Глеба. Подобные надгробия хорошо известны среди лапидарных материалов практически всех боспорских городов — многочисленные примеры чему можно увидеть на страницах КБН-альбома.

Таким образом, следует признать, что некоторые из групп памятников, включенных Н.И. Сокольским в число «синдских», таковыми не являются, и отражают скорее общие для всего Боспора тенденции в развитии надгробной скульптуры. В этом отношении небезынтересным представляется высказанное Н.Л. Грач мнение, о роли малоазийских традиций в появлении и развитии надгробных скульптур-полуфигур²⁰. К сожалению, исследовательница не выступила в научной печати с аргументацией своей точки зрения, о существовании которой сегодня известно лишь по хроникальной заметке²¹. Мнение это представляет интерес, в том числе и в связи с тем, что во вторичной колонизации Азиатского Боспора, в частности Горгииппии, судя по данным ономастики, в первой половине IV в. до н.э. активно участвовали выходцы из Малой Азии²².

Хронологические рамки времени создания боспорских полуфигурных надгробий достаточно велики. Скульптурные особенности памятников и палеография нанесенных на

¹⁷ Новичихин А.М. Границы Синдики // Былые годы. 2011. № 3. С. 11—15.

¹⁸ Античная скульптура. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция. Т. I. Киев, 2004. Кат. 39, 45, 46, 49, 50, 54, 57, 58, 59, 62, 63, 125, 130.

¹⁹ Савостина Е.А. Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. Симферополь—Керчь, 2012. С. 162—169.

²⁰ На сходство женских статуй-полуфигур с находками из малоазийских центров указывает также Е.А. Савостина (Там же. С. 164, 168).

²¹ Долгоруков В.С., Цветаева Г.А. Научная конференция памяти Б.В. Фармаковского. С. 298.

²² Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. XIX: Малоазийские имена на Боспоре (V—IV вв. до н.э.) // ВДИ. 2007. № 1. С. 204, 205.

некоторые из них надписей указывают на довольно продолжительный период их бытования — с IV в. до н.э. по II в. н.э.²³ По мнению составителей каталога лапидарного собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника, боспорская традиция надгробных статуй-полуфигур зародилась, «вероятно, на Азиатской стороне Боспора, в Синдике»²⁴. В этой связи представляется, что к числу наиболее ранних памятников, возможно, следует относить два скульптурных надгробия, одно из которых найдено в 1971 г. близ Анапы и находится в Анапском археологическом музее, а второе, найденное на Тамани в 1927 г., до Великой Отечественной войны хранилось в Таманском музее и сегодня считается утраченным. Оба изваяния изображают стоящие женские фигуры в облегающих голову и плечи покрывалах, отличительной особенностью обоих памятников является положение рук — они вытянуты вдоль туловища «по швам», прижаты к бокам²⁵. Н.П. Розанова, опубликовавшая скульптуру из Таманского музея, воздержалась от датировки памятника²⁶. А.И. Салов отнес анапское изваяние к I—II вв. н.э.²⁷ Однако, как удалось установить, надгробие найдено на территории распаханного Алексеевского грунтового могильника²⁸, датировка которого на основании инвентаря двух раскопанных в 1987 г. захоронений определяется в рамках конца VI — V в. до н.э.²⁹ Положение рук анапского и таманского изваяний находит близкую аналогию в моделировке одного из древнейших скульптурных памятников Северного Причерноморья — ольвийского курса, датируемого концом VI — началом V в. до н.э.³⁰, руки которого также вытянуты вдоль тела и прижаты к бокам³¹. Судя по всему, указанные надгробия близки ему по времени.

Несомненным своеобразием отличаются рельефы с поясным или поколенным изображением человеческой фигуры, известные по находкам в Анапе и ее окрестностях, которые Н.И. Сокольский выделил в особую группу памятников «синдской скульптуры». Однако, никаких явных признаков, дающих основания уверенно относить эти надгробия к скульптуре варваров нет: представленные на них персонажи облачены в эллинские одеяния, и единственным отличием от «классических» образцов боспорских надгробных рельефов может являться только отсутствие фронтона сверху эдикулы. Судя по всему, эта группа памятников является продукцией одной из горгиппийских мастерских, выработавшей свой, несколько грубоватый стиль изображения человека, что, впрочем, не удивительно для периферии античного мира. Данные надгробия действительно можно было бы назвать

---

²³ Сокольский Н.И. К вопросу о синдской скульптуре С. 251; Античная скульптура. С. 91—121.

²⁴ Античная скульптура. С. 22.

²⁵ Салов А.И. К вопросу о топографии Горгиппии // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 66, рис. 2,5; Розанова Н.П. Неизданные надгробные стелы Таманского музея // ВДИ. 1951. № 3. С. 94, рис. 5.

²⁶ Розанова Н.П. Неизданные надгробные стелы Таманского музея. С. 94.

²⁷ Салов А.И. К вопросу о топографии Горгиппии. С. 67.

²⁸ Харалдина З.Е. Надгробные памятники некрополей хоры Горгиппии // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н.э. Тирасполь, 1994. С. 212, рис. 1.

²⁹ Новичихин А.М. Исследование архаических памятников у поселка Алексеевка // Музейный вестник. Вып. 1. Краснодар, 1993. С. 23-30.

³⁰ Курс был установлен в нише, устроенной в одной из стен помещения гимнасия второй половины IV — начала III вв. до н.э. (Карасев А.Н., Леви Е.И. Исследования Ольвии после Б.В. Фармаковского (1927—1970 гг.) // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 42, рис.15; Леви Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 106, рис. 111).

³¹ Чубова А.П., Лесницкая М.М. Ольвийский курс // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 210, рис. 1; Русяева А.С. Скульптура // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев, 1987. С. 156, рис. 2.

«синдскими», однако не подразумевая под этим какой-либо их этнической атрибуции: это скульптурные памятники, созданные в Синдике, в мастерских Горгииппии, «царской столицы синдов» (Strabo., XI, 2, 10), и изображающие жителей этого полиса и этой области Боспорского государства. Наверное, наиболее удачным названием для этой группы памятников будет то, которое некогда дал им Г.Ф. Чайковский — «фигурные стелы анапского типа»³².

Укажем, что с момента публикации последней статьи Н.И. Сокольского число происходящих из Горгииппии и ее окрестностей памятников, как статуй-полуфигур, так и надгробных рельефов, значительно пополнилась. В настоящее время в Анапском археологическом музее хранится 19 статуй-полуфигур и их обломков (рис. 1,2), а также 27 экземпляров не имеющих архитектурного оформления рельефов с поколенным или поясным изображением человеческой фигуры (рис. 3,4).

Наконец, нельзя не отметить своеобразную группу таманских надгробных статуй-полуфигур, изображающих вооруженных мужчин в явно негреческой, варварской одежде. Н.И. Сокольский в статье 1966 г. выделил их в первую группу, в которую включил пять изваяний, четыре из которых достоверно найдены на Таманском полуострове: в 1961 г. близ Кеп, в 1896 г. в кургане на некрополе Фанагории, в 1959 г. на территории курганного некрополя Фанагории, в Тамани (год находки не указан) и неизвестного происхождения, хранившееся до 1889 г. в Царском кургане³³. После открытия в 1963 г. комплекса изваяний у ст. Ахтанизовской их число увеличилось до десяти: в фундаменте античного здания были обнаружены три полуфигуры, не сохранившие голов, и две отдельные головы³⁴. Известно, также, близкое по манере исполнения рельефное надгробие вооруженного мужчины в эдикуле с фронтоном из ахтанизовского комплекса³⁵.

Изваяния изображают бородатых и безбородых мужчин, в штанах, коротких кафтанах и коротких плащах, из-под которых иногда виден пластинчатый панцирь, в головных уборах, типа скифского колпака или папахи, вооруженных мечами и луками со стрелами³⁶. Следует согласиться с Н.И. Сокольским, что «этой группе свойственна этнографичность»³⁷. Представляется, что исследователь, прав, предлагая рассматривать изваяния воинов, как одно из направлений «боспорской скульптуры, изображающей местных жителей, негреков»³⁸.

Памятники отличает высокое мастерство. По мнению М.М. Кобылиной, голова варвара в скифском колпаке и налобной повязке, найденная в 1959 г. близ Фанагории, принадлежала скульптуре, изображавшей знатного местного жителя, «какого-нибудь царька-

³² Чайковский Г.Ф. Фигурные стелы анапского типа. С. 188.

³³ Сокольский Н.И. К вопросу о синдской скульптуре. С. 243—246.

³⁴ Сокольский Н.И. Новые памятники синдской скульптуры. С. 90; *он же*. Синдская скульптура. С. 195, прим. 6.

³⁵ Сокольский Н.И. К вопросу о синдской скульптуре. С.92, рис. 37; *он же*. Синдская скульптура. С. 196, рис. 4.

³⁶ Кобылина М.М. Античная скульптура Северного Причерноморья. М., 1972. С. 9, табл. XI; *она же*. Скульптурный портрет из Фанагории // СА. 1962. № 3. С. 209—214; *она же*. Фанагория. М., 1989. Рис. 5; Сокольский Н.И. Новые памятники синдской скульптуры. С. 90, рис. 35,4; *он же*. К вопросу о синдской скульптуре. С. 244—246, рис. 1; *он же*. Синдская скульптура. Рис. 1; Шульц П.Н. Скифские изваяния Причерноморья // Античное общество. М., 1967. С. 234, рис. 9; Крушкоч Ю.С. Древняя Синдика. М., 1971. С. 196—198, рис. 26, 27, 28; Савостина Е.А. Эллада и Боспор. С. 156—161, рис. 113—117.

³⁷ Сокольский Н.И. Синдская скульптура. С. 195.

³⁸ Сокольский Н.И. Новые памятники синдской скульптуры. С. 96; *он же*. К вопросу о синдской скульптуре. С. 254.

синда или меота»³⁹. М.М. Кобылина датировала фанагорийскую находку серединой — второй половиной IV в. до н.э., отметив ее сходство с малоазийской скульптурой⁴⁰. Указанная датировка («не позднее второй половины IV в. до н.э.») поддерживается Е.А. Савостиной. При этом исследовательница отмечает, что атрибуция скульптуры как изображения «синда», должна восприниматься не более чем условность, «дань поэтической традиции, существующей в археологии»⁴¹.

Из этнографических особенностей костюма изваянных воинов, практически все исследователи обратили внимание на своеобразные головные уборы. Обычно это высокие шапки, напоминающие спереди папаху, а сбоку — подобие скифского колпака, с лентой или оторочкой по нижнему краю, или мягкая коническая шапка со свисающим верхом⁴². Близкий по форме головной убор, спереди напоминающий папаху, а сбоку — башлык, венчает каменную (мергелевую) мужскую статуэтку, найденную при раскопках меотского Роговского городища в развале сгоревшего жилого дома второй четверти I в. до н.э.⁴³ Н.Ф. Шевченко, обративший внимание на сходство головных уборов найденного им изваяния и таманских мужских «синдских» надгробий, отметил и другие элементы сходства этих двух групп скульптурных памятников, в частности, в манере изображения лица и положении рук. По его мнению, роговской идол изображает фигуру мужского божества или героизированного предка, а материал указывает на возможный район его изготовления — «между Новороссийском и юго-восточной частью Таманского полуострова»⁴⁴. Отмеченное наблюдение дает основания предполагать, что мужские воинские статуи-полуфигуры представляют собой созданные боспорскими скульпторами изображения представителей меотского или меото-сарматского племенного мира.

Основываясь на датировке М.М. Кобылиной, Н.И. Сокольский отнес указанную группу воинских статуй-полуфигур «к раннеэллинистической эпохе»⁴⁵. Однако, то, что от фанагорийского изваяния сохранилась только голова, пусть и в варварском головном уборе, не позволяет с уверенностью относить его к группе статуй-полуфигур, изображающих воинов, как это делал Н.И. Сокольский. Таким образом, ранняя датировка этой группы надгробий не может считаться подтвержденной. Е.А. Савостина, изучившая наиболее яркие памятники, изображающие воинов, — хранящиеся в Керченском музее скульптуры, найденные на курганном некрополе Фанагории в 1961 и 1896 гг., привлекла для определения датировки изображенное на стелах оружие. По заключению В.С. Ольховского, форма горита, изображенного на скульптуре 1961 г., характерна для периода от II в. до н.э. до II в. н.э., на основании чего памятник следует датировать временем «после 200 г. до н.э.». Набор оружия, изображенный на скульптуре 1896 г., датируется в более широких хронологических рамках — от IV в. до н.э. до II в. н.э. Рассмотрев весь спектр предложенных для памятника датировок, Е.А. Савостина указывает, что наиболее предпочтительным представляется

---

³⁹ Кобылина М.М. Скульптурный портрет из Фанагории. С. 214; она же. Фанагория. С. 14.

⁴⁰ Кобылина М.М. Скульптурный портрет из Фанагории. С. 213.

⁴¹ Савостина Е.А. Эллада и Боспор. С. 155.

⁴² Сокольский Н.И. Новые памятники синдской скульптуры. С. 90, 92; он же. К вопросу о синдской скульптуре С. 244, 245; он же. Синдская скульптура. С. 195; Кобылина М.М. Скульптурный портрет из Фанагории. С. 210; Крушккол Ю.С. Древняя Синдика. С. 196; Равдоникас Т.Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа. Л., 1990. С. 47, 48, 51; Савостина Е.А. Эллада и Боспор. С. 155, 156, 158.

⁴³ Шевченко Н.Ф. Племена Восточного Приазовья на рубеже эры. Ростов-на-Дону, 2013. С. 32, рис. 55, 1, фото 32.

⁴⁴ Там же. С. 39, 40.

⁴⁵ Сокольский Н.И. Синдская скульптура. С. 105.

датировать фанагорийскую стелу 1896 г. временем около 200 г. до н.э.⁴⁶ В то же время, составители каталога античной скульптуры Керченского музея при изучении изваяния воина из некрополя Фанагории (находка 1896 г.) видят основания для датировки его I в. н.э.⁴⁷ Поскольку большинство других памятников этой группы по манере исполнения близки указанному фанагорийскому, нельзя также исключать и их более поздней датировки — временем близким к I в. н.э.

В какой-то степени в пользу этого свидетельствует находка трех полуфигур и рельефа в фундаменте античного здания на берегу Ахтанизовского лимана. На основании амфорного материала Н.И. Сокольский отнес открытое им сооружение к I в. до н.э. и связал его появление с присутствием на Таманском полуострове аспургиан⁴⁸. Новейшие датировки встреченных при раскопках комплекса амфор (светлоглиняных с двуствольными ручками, коричневоглиняных) дают основания для более широкой датировки времени возведения постройки, включая I в. н.э., во всяком случае — первую его половину. По составу керамического комплекса Ахтанизовское здание сопоставимо с укреплениями района Анапы-Новороссийска, погибшими в середине I в. н.э.⁴⁹ Судя по всему, надгробные памятники, жертвенные столы и эшары, которые строители этого монументального здания использовали для укрепления основания постройки, на момент его сооружения были доступны, т. е. возвышались над поверхностью земли, отмечая захоронения, с которыми были связаны. Иначе говоря, их датировка вполне может укладываться в рамки II—I вв. до н.э. В пользу такой датировки свидетельствует и отмеченная выше аналогия из круга меотских древностей — идол из раскопок Роговского городища.

Сложно представить, что синды, подвергшиеся значительной эллинизации еще в V—IV вв. до н.э., сохраняли этнографические особенности костюма вплоть до рубежа эр. Причем костюма исключительно только воинского, поскольку в Ахтанизовском комплексе присутствуют полуфигуры и рельефы, изображающие мужчин в «гражданском» эллинском одеянии. В то же время, античная традиция, прежде всего, Страбон, свидетельствуют о появлении во второй половине I в. до н.э. на Азиатском Боспоре («между Фанагорией и Горгиипией на пространстве пятисот стадиев») нового народа — аспургиан (Strabo., XI, 2, 11). Народа, судя по тому, что Страбон (XI, 2, 11) отнес аспургиан «к числу меотов», являющегося носителем этнических и культурных традиций, отличных от боспорских, но имеющих общие черты с этнографическими особенностями меото-сарматского населения Кубани. Многочисленные источники, как письменные, так и археологические, свидетельствуют, что аспургиане составляли некую военную служилую общность, набранную из числа прикубанских варваров и расселенную боспорскими царями, начиная с Асандра, в их азиатских владениях для защиты от внешних и внутренних врагов⁵⁰. Нельзя исключать, что большинство воинских надгробных полуфигур представляют собой запечатленный боспорскими скульпторами облик варваров-аспургиан в начальный период их расселения в восточных районах Боспорского государства.

⁴⁶ Савостина Е.А. Эллада и Боспор. С. 156—161.

⁴⁷ Античная скульптура. Кат. 53.

⁴⁸ Сокольский Н.И. Новые памятники синдской скульптуры. С. 88, 89.

⁴⁹ Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. 3. М., 1993. С. 7, 44, 45.

⁵⁰ Сапрыкин С.Ю. Аспургиане // СА. 1985. № 2. С. 65—78; Молев Е.А. Аспургиане у Страбона // Древности—1995. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 1995. С. 60—63; Горончаровский В.А. Аспургиане и военно-политическая история Боспора на рубеже новой эры // Таманская старина. Вып. 3. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII—I вв. до н.э.). СПб. 2000. С. 54, 55; Мальшев А.А. В стране аспургиан // Родина. 2001. № 5. С. 7—10.

А.М. Новичихин

К вопросу о «синдской скульптуре»

В 1960—1970 гг. Н.И. Сокольский отнес две группы боспорских надгробий – статуи-полуфигуры и рельефы с поясным или поколенным изображениями человеческой фигуры к числу памятников «синдской скульптуры». Новейшие исследования дают основания сомневаться в столь однозначной этнической атрибуции. Статуи-полуфигуры являются общим для Боспора и всего античного мира явлением, отражающим стремление древних скульпторов к портретным изображениям. Рельефные надгробия в рамках без архитектурного оформления следует связывать с деятельностью одной из мастерских расположенного в Синдике боспорского полиса Горгиппия: изображенные на них персонажи облачены в эллинские одеяния и совсем не обязательно являются синдами. Единственную специфическую, несущую этнографические черты костюма меотских или меото-сарматских племен, группу статуй-полуфигур воинов, следует считать скульптурными изображениями аспургиан — народа, поселенного в I в. до н. э. боспорскими царями в восточных районах Боспора для защиты от внешних и внутренних врагов.

Ключевые слова: Боспорское царство, Синдика, Горгиппия, «синдская скульптура», надгробные памятники, статуи-полуфигуры, рельефы, синды, аспургиане.

A.M. Novichikhin

To the question of the "sind sculpture"

In 1960—1970 N.I. Sokolsky included two groups of Bosporan tombstones — statues-half-figure and reliefs with hip-or knee-images of the human figure to the monuments of the "sind sculpture". Recent studies give reason to doubt that straightforward ethnic attribution. Statues of half-figure are common to the Bosphorus and the whole of the ancient world phenomenon, reflecting the desire of the ancient sculptors to portrait images. Relief gravestones in part without architectural design should be associated with the activities of one of the workshops of the Bosporus city Gorgippia located in the Syndica: they depict the characters dressed in Greek robes and not necessarily portray the Sinds. The only specific group of statues-half-figure soldiers, carrier ethnographic features of the costume Meotian or Meoto-Sarmatian tribes, should be considered sculptural images of Aspurgians — people, settle by Bosporan kings in the I century B.C. in the Eastern Bosphorus to protect against external and internal enemies.

Keywords: Bosporan Kingdom, Sindika, Gorgippia, "sind sculpture», tombstones, statues-half-figure, reliefs, Sinds, Aspurgians.

1

2

3

4

**Рис. Надгробные памятники из новых поступлений
в Анапский археологический музей**

1,2 — статуи-полуфигуры; 3,4 — рельефы с поясным или поколенным изображением человеческой фигуры.